

СТЕЛЛА ЛУСТ

БЕССТЫДНИЦА

Стелла Луст Бесстыдница

<https://litres.ru/74574049>

Аннотация

Тайный роман на виду у всех - это острое блюдо, которое подают очень горячим...

Содержание

1	4
2	12
3	27
4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

19 июня, пятница.

Я схожу с ума. Я точно схожу с ума, если пишу это в дневник. Если вообще думаю об этом. Если до сих пор тру ладонь, как будто там до сих пор горит.

Сегодня утром я чуть не опоздала на собеседование. Пропала. Собралась за три минуты — рекорд, даже для меня. Схватила ключи, телефон, вылетела. Папку забыла. Сумку тоже оставила дома. Голова с утра не варит совершенно. Но всё это я поняла уже в лифте.

Всё остальное я поняла в лифте тоже. Всё, что случилось дальше. Всё, что я не могу перестать прокручивать.

И белья на мне не было. Также осознанно. Также по привычке. Потому что я люблю чувствовать ткань юбки на голой коже, любила — до сегодня. Это всегда было моим секретом, моим маленьким бунтом, моей силой.

Сегодня это стало моей уязвимостью. И он это увидел.

Я не знаю, как это объяснить. Я не знаю, как объяснить

себе, почему я до сих пор чувствую его взгляд на своём бедре. Почему мне становится жарко, когда я вспоминаю, как он смотрел. И почему мне не стыдно — или стыдно, но это чувство совсем не то, каким должно быть.

Надо записать по порядку. Пока не забыла детали. Хотя я их не забуду. Я никогда ничего не забываю, когда дело касается таких моментов.

Я опаздываю. Тридцать секунд решают всё — встреча с гендиректором переносилась с прошлой недели трижды, и если я опоздаю сейчас, второго шанса мне не дадут.

В лифт влетаю на пределе возможностей своих шпилек. В руке — только телефон. Сердце колотится где-то в горле, пульс стучит в висках. Я пытаюсь отдышаться и хотя бы мысленно собраться, повторяю про себя ключевые тезисы из резюме, но мысли разбегаются, как тараканы.

Он уже стоит у панели. Стильная причёска. Стильная сумка. Высокий, в пиджаке, который сидит на нём так идеально, что мне хочется немедленно его снять. Я всегда так реагирую на мужчин в хороших костюмах. Всегда знала, что это во мне какая-то поломка. Что нормальные женщины смотрят на лицо, на глаза, на улыбку. А я смотрю на то, как сидит ткань на плечах, на то, как пиджак облегает спину, сужается к талии, и думаю: интересно, какая у него кожа под этим пиджаком?

Тёплая? Гладкая? Хочется ли провести по ней пальцами?

Он нажимает двадцать первый. Движение уверенное, спокойное. Рука красивая, с длинными пальцами.

Я — двадцатый.

Лифт едет. Тишина. Я перевожу дыхание, провожу рукой по юбке, поправляя несуществующие складки, и только тогда замечаю: папка с резюме осталась на комодке, дома. Чёрт. Чёрт! Ладно, скажу, что вышлю электронную версию. Скажу, что так даже современнее. Скажу...

А следом приходит осознание, от которого у меня холодеет внутри.

Сумки нет. Вообще. Дома, на тумбе, рядом с ключами, которые я схватила в последнюю секунду.

И белья нет. Тоже дома. Тоже осознанно. Потому что я люблю чувствовать ткань юбки на голой коже. Потому что мне нравится знать, что под этой строгой офисной одеждой — только я. Никаких барьеров. Никакой защиты. Это всегда казалось мне моим маленьким бунтом, моим секретом, моей силой.

А теперь это моя уязвимость. И я только что вспомнила, какой сегодня день. Какой именно. Я чувствую это телом раньше, чем мозг успевает оформить мысль — лёгкая влажность, предательское тепло. И понимаю: гладкие загорелые ноги. Черная юбка. И ничего между мной и её тканью.

Я чувствую его взгляд раньше, чем понимаю, что случилось. Просто кожей чувствую — тяжёлый, тёплый, остановившийся. Он смотрит не на лицо. Вниз. На внутреннюю сторону моего бедра.

Я замираю и скашиваю глаза вниз. Кровь приливает к щекам, к ушам, к шее. Там, куда он смотрит, куда смотрю я — тонкая тёмная полоса. Маленький предательский след, который невозможно не заметить. Катастрофа!

Понял ли он? Всё, что я так тщательно скрывала под тканью юбки и иллюзией приличия. Всё, что было только моим секретом — отсутствие белья, моя маленькая слабость, моя свобода. И то, что эта свобода сейчас обернулась против меня.

Я не могу пошевелиться. Стою и смотрю на него, как кролик на удава. В голове пустота, только одна мысль бьётся: он видит? Он знает? Он знает, что под этой юбкой ничего нет, и знает, что сейчас происходит?

Что он думает? Осуждает? Считает меня неряхой, дурой, которая не умеет планировать, вести элементарный подсчет дням? Или... Интересно, что он вообще видит, когда смотрит на женщину в такой момент? Жалость? Брезгливость? Или что-то другое?

Он достаёт из сумки тампон в упаковке и маленькие влажные салфетки. Протягивает мне. Посмотрел прямо в глаза — и у меня перехватывает дыхание. У него серые глаза. Очень светлые, почти прозрачные. И в них нет ни насмешки, ни осуждения. Только спокойное понимание. В ответ на мой выразительный взгляд, произносит:

— Джентельмен должен быть готов ко всему. — Потом добавляет с легкой улыбкой: — У меня сестра. Приучила.

Я беру. Пальцы дрожат — мелко, противно, как у школьницы на экзамене. Он замечает. Конечно, замечает. Он вообще, кажется, замечает всё. И от этого понимания внутри разливается странное тепло. Или это просто стыд так жжёт?

— Не торопитесь, — говорит он тихо. — Я подожду.

Он не отворачивается от меня. А у меня внезапно нет сил потребовать.

Смотрит, как я достаю салфетку. Как провожу по коже. Я чувствую его взгляд спиной сильнее, чем прикосновение влажной ткани. Каждая клеточка, каждый миллиметр, на котором останавливается его взгляд, вспыхивает. Мне должно быть стыдно. Мне стыдно. Но сквозь стыд прорастает что-то ещё.

Мне жарко. Мне интересно, что он видит. Мне интересно, хочет ли он смотреть дальше. Хочет ли увидеть больше, чем эта полоска кожи, которую я сейчас торопливо вытираю. Хочет ли представить, как я выгляжу без одежды — не только без белья, а совсем.

Это не нормально. Я знаю, что это неправильно. Нормальные женщины не возбуждаются от того, что на них смотрят в моменты уязвимости. Нормальные женщины хотят, чтобы их жалели, или чтобы им помогали, или чтобы их оставили в покое.

Я хочу, чтобы он смотрел. Хочу, чтобы запомнил. Хочу, чтобы потом, когда лифт откроется и мы разойдёмся, он думал обо мне. О том, какая я. О том, что могло бы быть.

Я справляюсь за десять секунд. И использованную салфетку заворачиваю, сжимаю в кулаке так, что ногти впиваются в

ладонь. Чёрт, как нелепо. Как унизительно. Стою перед красивым мужчиной в идеальном костюме, сжимаю в руке использованную салфетку и упаковку, и молюсь, чтобы лифт скорее приехал. И чтобы не приезжал никогда.

— Не выбросить, — говорю я. Голос сел. Предательски сел, выдавая меня с головой. Хриплый, низкий, чужой.

Он шагает ближе. Совсем близко. Я чувствую запах его парфюма — свежий, с нотками бергамота и чего-то тёплого, древесного. Чувствую тепло его тела. Достаточно протянуть руку — и можно коснуться.

Он достаёт из внутреннего кармана визитницу, вкладывает карточку мне в ладонь — поверх испачканной салфетки.

— Мусорка через холл налево. Удачи на собеседовании. Если нужна будет помощь - звоните, не стесняйтесь.

Его пальцы задерживаются на моих пальцах. Одно лишнее мгновение. Я перестаю дышать.

Он тоже не дышит. Я слышу. Вижу, как расширяются его зрачки. Как взгляд на секунду опускается на мои губы и возвращается к глазам.

Что это было? Случайность? Любезность? Или он тоже почувствовал то, что чувствую я? Эту дурацкую, неуместную, невозможную искру между нами?

Двери открываются. Я выхожу. Ноги не слушаются, колени дрожат. Читаю имя на визитке, когда лифт уже уехал.

Алексей Андреевич. Ниже — должность. Руководитель проектного департамента.

У меня всё ещё дрожат руки. Я выбрасываю салфетку в мусорку налево от лифта. Прячу визитку в карман жакета — к сердцу.

Я должна забыть это имя. Я должна пройти собеседование и надеяться, что мы больше никогда не встретимся.

Хватаю проходящую девушку за рукав и спрашиваю, где туалет. Она смотрит на мои встревоженные глаза, понятиливо кивает и показывает. Лечу туда галопом. Я опаздываю.

Дура. Какая же я дура.

2

Я должна собраться. У меня собеседование. Эту мантру я повторяю про себя уже в туалете, глядя на свое отражение. Черная юбка-карандаш, строгая блузка, жакет. Безупречный макияж. Глаза не бегают. Я готова.

Подхожу к ресепшену, называю фамилию. Девушка с идеальной улыбкой сверяется с монитором:

— Генеральный директор отсутствует. Но вас ждут, двадцать первый этаж, переговорная «Сигма». Лифт направо.

— Спасибо, — говорю я, хотя лифт — ровно тот, из которого я только что вышла.

Нажимаю кнопку вызова и смотрю, как загораются цифры над дверями. Тот самый лифт. С той самой зеркальной стеной, в которую он смотрел, пока я приводила себя в порядок. Он стоял позади. Высокий. Дорогой костюм. Спокойные, уверенные руки.

Двери открываются. Я захожу. Одна.

И вдруг меня накрывает.

Его запах. Он остался в этом лифте. Свежий, дорогой парфюм с нотками дерева и чего-то цитрусового. Я вдыхаю глубоко, как наркоманка, и зажимаюсь.

Что со мной? Почему я стою в пустом лифте и нюхаю воздух, как собака? Почему я всё ещё чувствую его пальцы на своей ладони, когда пять минут назад он протянул мне визитку? Это прикосновение длилось долю секунды, но его кожа, кажется, до сих пор горит на моей коже огнём.

Дзынь. Двадцать первый этаж. Двери открываются.

Выхожу в холл, заставленный мягкими диванами и живыми растениями. Стекланные стены кабинетов, люди в костюмах. Офис моей мечты. Никто не обращает на меня внимания.

И вдруг я чувствую это.

Лёгкое дуновение воздуха от кондиционера. Оно скользит по моим ногам, забирается под юбку. Я чувствую его на голой коже — там, где не должно быть ничего, кроме ткани.

Я без белья.

Эта мысль обжигает током. Я иду по офису, полному людей, и под этой строгой юбкой — ничего. Только я. Только моя кожа. Только воздух, который касается меня там, где никто не должен касаться.

У меня перехватывает дыхание.

Я сжимаю бедра, иду быстрее. Сердце колотится где-то в горле. Я чувствую каждое движение ткани — как она скользит, как обтягивает, как на секунду прижимается там, между ног, когда я делаю шаг. Трение становится главным звуком в моей вселенной. Ткань юбки трется о нежную кожу бедер, клитор уже набух и требует внимания. Каждый шаг — это маленькая ласка, от которой внизу живота разливается тягучее, горячее томление.

Все смотрят. Никто не знает. Никто не видит. Но я знаю. Я чувствую.

И мне это нравится. Боже, как мне это нравится. Это неправильно. Это безумие. Я иду на собеседование, а думаю только о том, что любой, кто посмотрит чуть внимательнее, кто заметит, как ткань облегает мои ягодицы, — поймёт. Догадается. Увидит, как под тканью очерчивается каждая впадинка, каждая складочка.

Я хочу, чтобы он догадался.

Он. Тот мужчина из лифта. Я представляю, как он смотрит на меня сейчас. Как его взгляд скользит по моей спине, опускается ниже, задерживается на моей заднице, обтянутой юбкой, под которой ничего нет. Он смотрит и видит, как я иду. Как мои бедра покачиваются чуть шире, чем нужно. И он понимает. Он догадывается. Его руки сжимаются в кулаки от желания подойти, развернуть меня, прижать к стене, задрать эту чертову юбку и...

Переговорная «Сигма» в конце коридора. Иду и чувствую, как колотится сердце. От каждого шага волна возбуждения накатывает всё сильнее. Я влажная. Я теку. Я чувствую, как эта влага собирается там, делая кожу скользкой. И думаю: а вдруг он почувствует это? Вдруг у него такое обоняние, что он уловит этот тонкий, терпкий запах моего возбуждения, который, как мне кажется, пропитал уже весь воздух вокруг меня?

Открываю дверь.

За столом переговоров сидит он.

Тот самый мужчина из лифта.

Замираю на пороге. Мир останавливается. Он поднимает глаза от документов, и я вижу в них узнавание. То самое, короткое, опасное. Он тоже помнит. Он тоже чувствует.

Сажусь напротив него. Кладу руки на стол, чтобы они не дрожали. Юбка, когда я сажусь, задирается выше колена. Я чувствую, как край стола холодом касается моих ног. Чувствую, как воздух из кондиционера теперь ласкает не только щиколотки, но и гораздо выше. Я без белья. А он сидит напротив.

— Здравствуйте, — говорит он так, словно это не он дал мне тампон. — Меня зовут Алексей Андреевич.

Его голос низкий, вибрирующий. Он проникает прямо в низ живота. Пока он говорит о финансовом директоре и руководителе проекта, я смотрю на его рот. На то, как двигаются его губы. И представляю, как эти губы будут целовать меня. Сначала шею, медленно, чувственно, спускаясь к ключицам. Потом грудь, беря в рот сосок, который сейчас, под тканью блузки и жакета, уже затвердел до боли.

Он смотрит на меня. Профессионально. Но я ловлю его взгляд — на секунду он задерживается на моей груди. Он словно видит, как под тонкой тканью блузки набухли соски, как они предательски упираются в подкладку жакета. Моё

тело выдаёт меня. И от этого возбуждение становится невыносимым.

— Расскажите о вашем опыте, — говорит он.

Я начинаю рассказывать. Слова льются сами. Но мозг работает на две параллельные программы. Одна — про бюджеты и управление проектами. Вторая...

Вторая — про то, как я хочу, чтобы он раздвинул мне ноги прямо на этом полированном столе.

Я сдвигаю бедра под столом. Медленно. Чувствую, как внутренние мышцы сжимаются в сладкой судороге от этого давления. Жарко. Очень жарко. Влажно так, что, кажется, если я сейчас встану, на черном кожаном сиденье стула останется влажный след.

Я хочу, чтобы он знал наверняка.

Я делаю паузу в середине фразы, во рту пересохло, и я невольно облизываю губы. Он смотрит. Его взгляд прикован к моему рту. Зрачки расширены. Он переводит взгляд на мои руки, которые сжимают ручку. Я чуть заметно раздвигаю колени. На сантиметр. На два. Воздух под столом становится гуще.

Я смотрю на его руки. Большие, с длинными пальцами. И думаю о том, как эти руки будут сжимать меня. Как эти пальцы войдут в меня. Сначала один, потом два... Медленно, глубоко, заполняя пустоту, которая сейчас пульсирует там, внизу.

— У вас есть вопросы ко мне? — спрашивает он. Голос его чуть сел, стал хриплым.

— Да, — говорю я. — Расскажите о команде. С кем мне предстоит работать?

Он начинает рассказывать. Но я уже не слышу слов. Я вижу только его губы. И представляю их на своей шее, на груди, на животе... ниже. Я представляю, как он садится на колени прямо здесь, в этом строгом кабинете, раздвигает мои ноги и целует меня там. Языком, медленно, дразняще, находя самый чувствительный бугорок, обводя его, заставляя меня выгнуться и закричать. Я сжимаю бедра под столом так сильно, что дрожь проходит по всему телу. Почти оргазм. Почти.

Он замолкает. Смотрит на меня. Долго, изучающе.

— У вас всё в порядке? — спрашивает он, и в его глазах я читаю не просто вопрос, а утверждение. Догадку. Он знает.

Или почти знает. Он чувствует то же, что и я. Это электричество между нами можно резать ножом.

— Да, — выдыхаю я. — Всё хорошо.

Вру. Я горю. Я пульсирую в такт сердцебиению. Я хочу его так, что у меня сводит живот. Это безумие.

Он закрывает папку. Смотрит на меня.

— Я позвоню сегодня, — говорит он.

Эти три слова звучат как обещание. Не только о работе.

Я встаю. Юбка, я знаю это, задирается выше, обнажая заднюю поверхность бедра. Я не поправляю её. Пусть видит. Пусть представит, какая там кожа на ощупь — горячая, влажная от возбуждения.

Выхожу из переговорной и чувствую его взгляд спиной.

В коридоре прислоняюсь к стене. Сердце готово вырваться. Между ног пульсирует сладкая, ноющая боль. Я сжимаю бедра, пытаюсь унять её, но это лишь разжигает огонь сильнее.

Иду обратно. Мимо людей. Каждый шаг юбки — пытка и наслаждение. Ткань трется о набухший клитор, посылая разряды тока в позвоночник. Я чувствую, как моя влага уже, наверное, проступила на ткани с обратной стороны.

Захожу в лифт. Тот самый. Еду вниз. Одна.

Смотрю на себя в зеркало — щеки пылают, глаза блестят диким, голодным блеском, губы припухли от того, как я их кусала.

Я не выдерживаю.

Опускаю руку вниз. Кладу ладонь на юбку прямо там, между ног. Чувствую жар, который, кажется, прожигает ткань. Чувствую влагу. Чувствую, как сильно и часто бьется пульс в самом чувствительном месте. Я надавливаю ладонью, и по телу проходит судорога почти случившегося оргазма.

Закрываю глаза. Представляю, что это его рука. Что он прижал меня к зеркальной стене этого же лифта, задрал юбку и вошел в меня резко, глубоко, заставляя смотреть в глаза своему отражению.

Двери открываются. Пустой холл.

Я выхожу, еле держась на ватных ногах.

Вечером звонок. Его голос в трубке заставляет меня снова сжать ноги.

— Вы приняты, — говорит он. Пауза. — Выходите с понедельника.

— Спасибо, Алексей Андреевич, — отвечаю я, и в моем голосе звучит обещание.

— Не за что, — отвечает он и после паузы добавляет: — Жду.

В трубке гудки.

Я ложусь на кровать, задираю юбку до пояса и, глядя в потолок, представляя его руки на своем теле, довожу себя до исступления. Органн накрывает волной, выгибая спину и заставляя кусать подушку, чтобы не закричать.

С понедельника я выхожу. И я знаю, что случиться может всё, что угодно. Ну и пусть.

21 июля, воскресенье

Это какое-то умопомрачение.

Я схожусь с ума. Точка. Диагноз. Вчера целый день провалялась в кровати, даже не в силах встать и сделать кофе. Просто лежала и смотрела в потолок, прокручивая в голове снова и снова. Как он смотрел. Как он говорил. Как он замолчал в конце. Этот его взгляд, когда я встала и не поправила юбку. Он видел. Я знаю, что видел.

Все выходные я думаю о нём. Просыпаюсь — и первая мысль: Алексей. Ложусь — и засыпаю, представляя, что его руки на моём теле. Это уже не просто мысли, это навязчивое состояние. Я трогаю себя и шепчу его имя в подушку, как малолетняя дура, у которой гормоны зашкаливают. И мне даже не стыдно. Ну, почти не стыдно. Ладно, стыдно. Но это такое приятное, сладкое, тягучее чувство стыда, от которого внутри всё переворачивается.

Алексей.

Даже имя какое-то... серьёзное. Уверенное. Под стать ему.

Что со мной? Что я, мужиков не встречала? Встречала. Были отношения, были разрывы, была скука, были интрижки на одну ночь, после которых утром хотелось по-

скорее сбежать, пока не проснулись. Но чтобы вот так... чтобы незнакомый мужчина, которого я видела два раза в жизни (считая тот лифт до собеседования), занял все мои мысли, все мои сны, все мои фантазии...

Я закрываю глаза и вижу его пальцы. Те самые, которыми он протянул мне тампон. Длинные, сильные. Я представляю, как эти пальцы расстегивают мою блузку, пуговица за пуговицей. Медленно. Не торопясь. Он смотрит мне в глаза, пока расстегивает. А потом проводит костяшками по ключице, вниз, к груди, очерчивает край бюстгалтера... которого на мне нет. Ничего нет. В моих фантазиях на мне никогда ничего нет.

Я переворачиваюсь на живот и зарываюсь лицом в подушку. Вдох-выдох. Не помогает. В голове новая картинка: понедельник, утро, лифт. Я захожу. Двери закрываются. И вдруг рука останавливает створки, и в лифт заходит он. Мы одни. Он нажимает кнопку «стоп». Поворачивается ко мне. Медленно подходит. Я чувствую его запах — тот самый, дерево и цитрус, который теперь преследует меня даже во сне. Он кладёт руку на стену лифта, прямо у моей головы. Наклоняется к уху и шепчет: «Я ждал этого».

Я сжимаю подушку ногами. Боже, что я творю. Завтра мне идти туда. Работать. С ним. Смотреть на него и де-

лать вид, что я профессионал, что я собрана, что мои трусики (которые сегодня я всё-таки надела, но уже через пять минут сняла, потому что они натирали и бесили) не валяются где-то на полу моей спальни, а я не сижу сейчас голая и не схожу с ума от предвкушения.

А вдруг он тоже думает? Вдруг он тоже вспоминает, как я смотрела на его губы? Вдруг он тоже не может забыть, как я облизнулась, когда он спросил про вопросы? Или это только у меня крыша едет? Мысль о том, что он мог уже забыть, что для него это просто очередное собеседование, очередная кандидатка, которая придет и будет работать, — эта мысль обжигает холодом.

Нет. Не мог забыть. Я видела его глаза. Я чувствовала это напряжение, когда он смотрел на меня. Когда он сказал по телефону «Жду». Это было не про работу.

Сегодня я раз десять меняла наряды на завтра. Что надеть? Строгий костюм, как на собеседовании? Или что-то более... открытое? Может, ту блузку, которая просвечивает, если свет падает правильно? Или платье, которое так легко задрать? Наверное, надо аккуратнее. Первый рабочий день. Сразу зарекомендую себя шлюхой. Оно мне надо?

Я остановилась на юбке. Той самой. Черной, обтягиваю-

щей, карандаш. И белье... вот тут я зависла. Надеть или нет? Не опасно? Всё же первый день на новой работе и третий день месячных. А если протеку? Хотя тампоны меня ни разу не подводили. Вообще моё отношение к белью вызывает вопросы и у меня самой. Не знаю, почему мне это так нравится.

А если я хочу, чтобы он знал? Если я хочу, чтобы он поверил? Врать самой себе, что это не так?

Я представила, как завтра в лифте он оказывается рядом. Как я стою и чувствую его взгляд на своей спине. Как лифт останавливается между этажами, и темнота... И его руки находят меня. Он проводит ладонью по юбке, сзади, медленно, чувствуя ткань, чувствуя мои ягодицы под ней. А потом его пальцы скользят вниз, задирают подол, и он находит там... ничего. Только кожу. Только жар. Только влагу.

Завтра понедельник. Завтра я выхожу на новую работу. Завтра я увижу его.

Я боюсь. Я трясусь. Я горю.

И я уже мокрая только от мысли, что переступлю порог этого лифта.

Дурдом. Наваждение.

Надо поспать. Надо успокоиться. Надо... к черту. Я еще разочек. Еще разочек представляю, как он входит в меня прямо в переговорной, на этом столе, раздвинув мои ноги, глядя в глаза и шепча мое имя.

3

В воскресенье вечером лежу в ванне и смотрю на своё тело. Провожу руками по маленькой груди, по животу, по бёдрам и думаю: увидит ли он это когда-нибудь?

Потом думаю о другом. О том, что завтра я снова буду без белья. Я уже решила. Я не могу иначе.

Я хочу ходить по офису, полному людей, и знать, что под этой строгой одеждой — ничего. Что любой мужчина, который посмотрит на меня, — не знает. Но я знаю. И он... если он посмотрит... может, он догадается.

Я хочу, чтобы Алексей Андреевич догадался. Мои руки там, где я хочу чувствовать его.

Кончаю быстро, закусив губу, чтобы не закричать.

В понедельник надеваю самую строгую юбку, самую закрытую блузку. Застёгиваюсь на все пуговицы.

Бельё не надеваю. Все же встала перед зеркалом утром, покрутила в руках кружевные стринги, потом идеально гладкие бежевые трусики-невидимки... и швырнула их обратно в ящик. Пусть. Если он захочет проверить — пусть проверит.

Выхожу из дома. Иду по улице. Чувствую ветер. Чувствую, как юбка облегает. Чувствую каждый шаг.

В метро полно людей. Я стою, держась за поручень, и чувствую, как вагон покачивается. Как люди толкаются. Как кто-то стоит сзади — мужчина, я не вижу лица.

Я без белья. Он стоит вплотную. Он не знает. Но я знаю.

У меня перехватывает дыхание.

Выхожу из метро. Иду к офису. В лифте поднимаюсь на свой этаж.

Я переступаю порог офиса, и сердце ухает куда-то вниз живота. Буквально. Потому что под черной юбкой — снова ничего.

Девушка на ресепшене та же, с идеальной улыбкой. Сегодня она провожает меня не к лифту, а к Анне Сергеевне из отдела персонала.

— Добро пожаловать! — щебечет Анна Сергеевна, женщина лет пятидесяти с добрыми глазами и идеально начесанным каре. — Пойдемте, я покажу вам рабочее место, по-

знакомлю с ребятами.

Ребята.

Я иду за ней по длинному коридору и чувствую каждый шаг. Юбка обтягивает бедра, ткань льнет к коже, и каждое движение напоминает: ты голая под этим строгим костюмом. Тайна, которую никто не знает. Кроме него. Если он догадался.

— Это ваш стол, — Анна Сергеевна указывает на аккуратное рабочее место в опенспейсе, отделенное от других парой перегородок. Все же я не рядовой менеджер. Монитор, подставка для ручек, даже горшочек с суккулентом. Мило. — Сейчас я позову коллег, они введут вас в курс дела. Процедуры приема рабочего места, знакомство с сотрудниками отдела, с корпоративной CRM. Рутина, но без нее никуда.

Рутина. Если бы она знала, какая у меня сейчас рутина под юбкой. Я сжимаю бедра под столом, садясь на крутящийся стул. Офисное кресло, обтянутое тканью. Интересно, чувствуется на таких влага? Надеюсь, нет.

Первым подходит высокий блондин, чуть старше меня, в очках в тонкой оправе, от которых он выглядит интеллигентно и немного по-мальчишески. Голубоглазый. Такой тип

обычно нравится мамам на знакомстве с женихами дочерей. Представляется Кириллом.

— Привет! Я буду показывать тебе CRM, — он улыбается открыто, дружелюбно, но я ловлю его взгляд. Скользнул по вырезу блузки. На секунду задержался. Потом по ногам. Профессионально-непрофессиональный взгляд, который мужчины бросают на новую женщину в коллективе, оценивая. — Ты надолго к нам? Или как транзитный пункт?

Шутит. Флиртует легко, без нажима.

— Посмотрим, — улыбаюсь в ответ. — Если CRM не убьет.

Он смеется, наклоняется ближе к монитору, и я чувствую его запах — хороший парфюм, свежий, но какой-то... обычный. Не тот. Не дерево и цитрус. Я машинально сравниваю. И внутри что-то щелкает: нет, не он.

Кирилл рассказывает про интерфейс, про то, как заводить сделки, про воронку продаж. Я киваю, записываю, но краем глаза замечаю, как он смотрит на мои руки, когда я печатаю. На губы, когда я переспрашиваю. Он заинтересован. Это приятно. Приятно чувствовать, что ты нравишься, что ты желанна. Легкий трепет от того, что симпатичный муж-

чина рядом и он хочет тебя чуть больше, чем просто коллегу. Но это только кожа. Только поверхность. Глубины нет. Внизу живота тихо, пусто, никакого жара.

— Спасибо, Кирилл, — говорю я, когда он заканчивает.
— Очень доступно.

— Обращайся в любое время, — он чуть задерживает взгляд. — В любое. Я всегда на связи.

Потом подходит Елена, руководитель смежного отдела. Женщина лет сорока, стильная, ухоженная, в дорогом костюме и с идеальным маникюром. Она будет курировать мои первые проекты. С ней мы обсуждаем документы, регламенты, сроки. Деловито, четко, без лишних эмоций.

И пока она говорит, я смотрю на нее и думаю: а она? Ходит без белья? Или Марина из бухгалтерии, которая принесла мне чай, явно желая подружиться? Или та девчонка в отделе маркетинга, что смеется в углу?

Я оглядываю опенспейс. Женщины в строгих юбках, в брюках, в платьях. Кто-то на каблуках, кто-то в лодочках. Интересно, многие ли из них знают это чувство? Чувство свободы и риска, когда под тонкой тканью — только ты, только кожа, только воздух? Или я одна такая извращенка, ко-

торая пришла на новую работу с тайным эротическим квестом?

Елена заканчивает инструктаж, улыбается сухо, но доброжелательно.

— Справишься. Если что — пиши в корпоративный мессенджер. Там же вся команда, добавим тебя в чаты. Но это чуть позже.

Команда. В том числе он.

Я киваю, открываю почту, делаю вид, что изучаю документы. А сама потихоньку рассматриваю офис. Где его кабинет? На двадцать первом этаже, где была переговорная «Сигма», там, кажется, руководство. Он финансовый директор. У него наверняка отдельный. Со стеклянными стенами? Или глухой, чтобы никто не видел?

Фантазия рисует: я захожу к нему с отчетом. Закрываю дверь. Он встает из-за стола, подходит... И тут перед глазами возникает Кирилл с новой порцией информации.

— Тут еще нюанс по сделкам, — говорит он, снова наклоняясь к монитору. Слишком близко. Его рука почти касается моей, когда он показывает на экране. — Видишь?

Вижу. И вижу, как он смотрит на мои волосы. На шею. Как вдыхает запах. Ему нравится. Он хочет. Это читается в каждом жесте.

Кофе-брейк. Выхожу в зону отдыха, наливаю капучино из автоматической машины. Тут же подходит еще один — Павел, из IT, мне уже про него шепнули. Лет тридцать, легкая небритость, футболка под пиджаком, нагловатый взгляд.

— Новая кровь? — улыбается, опираясь на стойку рядом. — Добро пожаловать в ад. У нас тут весело: дедлайны горят, кофе кончается, а принтер жрет бумагу с голодухи. Но мы держимся.

— Звучит обнадеживающе, — улыбаюсь в ответ.

— Держись меня, — он подмигивает. — Я тут главный по решению проблем. Любых, — делает многозначительную паузу.

Понятно. Еще один. Тоже симпатичный, тоже с искрами в глазах, тоже оценивает, прощупывает почву. Мне приятно. Честно. Это поднимает самооценку, когда на тебя вешаются трое мужчин за первые два часа. Это как легкое шампанское — игристое, веселое, ни к чему не обязывающее.

Но внизу живота по-прежнему пусто. Ни жара, ни дрожи, ни этого сладкого томления, от которого подкашиваются ноги. Никто из них не заставляет меня сжимать бедра под столом, думая о том, что я без белья. Никто не заставляет влагу выступать на коже только от взгляда.

Я думаю о нем.

Где он? Почему не вышел? Почему не спустился в опенспейс? Он же знает, что я сегодня выхожу. Он же сам сказал: «Жду». Или это было просто дежурное «до понедельника»?

Обед. Иду в столовую одна, сажусь за свободный столик. Через минуту рядом приземляется Кирилл. «Не против?» Садится напротив, болтает о пустяках, шутит, рассказывает байки про офис. Павел проходит мимо, кивает, бросает взгляд на нас и кривит губы — ревнует, что ли? Забавно.

Я улыбаюсь, поддерживаю разговор, но внутри — вибрация. Тихая, постоянная, как ток в проводах. Я здесь не ради обеда, не ради CRM, не ради Кирилла с его голубыми глазами.

Я здесь ради лифта. Ради встречи. Ради момента, когда мы окажемся одни.

После обеда захожу в туалетную комнату. Закрываю кабинку, присаживаюсь на унитаз. Провожу рукой по внутренней стороне бедра — кожа горячая, влажная. Я провожу пальцами выше, касаюсь там, и по телу проходит дрожь. Пальцы скользят легко — слишком легко. Я возбуждена. Весь день. Только от мыслей.

Прикрываю глаза. Алексей. Где ты? Когда я тебя увижу?

Меняю тампон, вытираюсь, выхожу из кабинки, мою руки, смотрю на себя в зеркало. Глаза блестят, щеки розовые. Выгляжу так, будто уже... Нет. Еще нет. Но скоро.

Возвращаюсь в опенспейс. Сажусь за стол, открываю CRM. И вдруг чувствую — взгляд. Тяжелый, прожигающий.

Поднимаю голову.

Он стоит у входа в опенспейс. Разговаривает с кем-то из руководителей. Смотрит на меня.

Наши глаза встречаются на секунду. Одну. Две.

Он чуть заметно кивает. Один раз. Медленно. И отворачивается, продолжая разговор.

У меня перехватывает дыхание. Сердце пропускает удар. Под юбкой становится горячо и влажно моментально, будто он прикоснулся ко мне.

Я опускаю глаза в монитор и вижу только одну строчку в CRM: «Сделка в работе».

Да. Сделка в работе. Моя с ним.

Жду. Скоро лифт. Скоро вечер. Скоро мы останемся одни.

Он появляется снова только через четыре часа. Выходит из кабинета, с чашкой кофе. Проходит мимо моего стола.

Смотрит на меня. На секунду. На долю секунды.

Я смотрю в монитор, но краем глаза вижу, как его взгляд скользит по моей груди. Там, где под тонкой блузкой — ничего. Только я.

Он отводит глаза. Идёт дальше.

Но я видела. Я знаю.

Он смотрел.

Весь день я хожу по офису. В туалет — мимо его кабинета, оказывается, он работает то на двадцать первом этаже, то на нашем. За кофе — мимо коллег. К принтеру — мимо стола, за которым сидит молодой стажёр.

Каждый раз, когда я прохожу мимо мужчины, я думаю: если бы ты знал. Если бы ты только знал, что под этой юбкой.

И мне становится жарко. Влажно. Тесно.

К вечеру я мокрая насквозь. Не от пота — от возбуждения. Я сижу за столом, сжимаю бедра и думаю о нём, Алексее. О том, как он смотрел. О том, что он, может быть, тоже думает.

Я хочу, чтобы он зашёл. Чтобы подошёл. Чтобы встал рядом и... что? Я не знаю. Но я хочу.

Он не заходит.

К концу первого рабочего дня я ненавижу его. И себя. За то, что я такая. За то, что не могу контролировать это.

Собираюсь уходить, когда в мессенджере всплывает сообщение:

«Задержитесь на пять минут. Зайдите ко мне».

Смотрю на эти слова и чувствую, как между ног становится горячо.

Он позвал.

Жду, пока все уйдут. Сажусь за столом и чувствую, как колотится сердце. И ещё — как влажно. Как сильно. Я хочу его. Прямо сейчас.

Встаю. Иду к его кабинету. Каждый шаг — как прикосновение. Юбка скользит, обтягивает, трется там, где уже всё горит.

Стучу.

— Войдите.

Вхожу.

Он сидит за столом, без пиджака, в одной рубашке с закатанными рукавами. Я вижу его предплечья и чуть не начинаю стонать. Сильные. С венами, которые вздуваются.

Сажусь напротив. Юбка задирается. Я не поправляю.

— Как прошёл первый день? — спрашивает он.

— Хорошо, — говорю я.

Он поднимает глаза. Смотрит на меня. Долго. Пристально. Его взгляд опускается ниже — на шею, на грудь. Задерживается.

Я знаю, что он видит. Соски. Они стоят. Под тонкой тканью это невозможно не заметить.

Он сглатывает.

— Я хотел извиниться, — говорит он. Голос чуть хриплый. — За то, что не поздоровался утром. Я не хотел ставить вас в неловкое положение.

Смотрю на него и чувствую, как внутри всё переворачивается.

— Всё в порядке, — говорю я тихо. — Я понимаю.

— Понимаете?

Он смотрит на меня так, что я перестаю дышать. Я чувствую этот взгляд везде. На губах. На шее. На груди. Там, где сейчас жарко и влажно.

— Я тоже не хочу ставить вас в неловкое положение, — говорю я.

Пауза. Долгая. Тягучая.

— Вы не будете против, — говорит он наконец, — если я иногда буду заходить к вам с рабочими вопросами?

— Нет, — говорю я слишком быстро. Слишком хрипло.

Он чуть улыбается. Краем губ.

— Тогда до завтра.

Встаю. Иду к двери. Чувствую его взгляд на своей спине. На ягодицах, которые двигаются под юбкой. Я знаю, что он смотрит. Я чувствую это кожей.

У двери оборачиваюсь.

— Алексей Андреевич?

— Да?

— Спасибо. За сегодня. За то, что... не смотрели.

— Пожалуйста. Но боюсь, я вас разочарую.

Выхожу.

В лифте прислоняюсь к стене. Закрываю глаза. У меня дрожат колени.

Опускаю руку вниз. Кладу ладонь на юбку. Ткань влажная. Я влажная.

Я кончаю прямо там, в лифте, стоя, прижавшись лбом к холодному зеркалу.

Открываю глаза. Смотрю на себя. Щёки горят. Глаза блещут.

Завтра я снова буду без белья.

Понедельник. 17 июля

Я никогда раньше не вела дневник. В школе считала это сентиментальной глупостью, в университете — просто не хватало времени. Мне тридцать два года, у меня ипотека и ответственная должность, и я сижу в кровати в час

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.